

Ирина ЛЫЧАГИНА

ТЕАТР: УСЛУГА ИЛИ СЛУЖЕНИЕ?

Время диктует свои законы. Меняются скорости, переоцениваются ценности, пересматриваются критерии. В сухом остатке – стремление к моментальному успеху любой ценой, желание добиться всего и сразу, не затрачивая усилий. Если возможна мгновенная «сериальная» слава, к чему тратить годы и массу усилий на овладение профессией? Достаточно просто «засветиться». И пока все «светятся», исчезает ремесло, а вместе с ним – мастерство, та вершина, которая формируется при достаточном количестве грамотных профессионалов.

Выпадение «среднего звена» разрушительно для любой сферы деятельности. Для искусства оно губительно. Недавно один знакомый, владелец строительной фирмы, рассказал, что кровельщиков вынужден привозить из Германии, так как в России нет рабочих нужной квалификации. Найти знающего завпоста, бригадира монтажников, механика сцены, гримера, костюмера – такая же проблема. А ведь именно на совместно выполняемой, качественной работе держится жизнь театрального коллектива.

Хочется, чтобы люди отвечали за качество продукта, который продают зрителям. Находясь внутри ситуации, я прекрасно понимаю сложности производственного процесса, называемого «выпуск спектакля». Но они – результат бытующего в последние два десятилетия последовательного разрушения культуры в целом и театра, как института, в частности. Приход «эффективных менеджеров» в театр, может, и поднимает сборы, но приводит к потере мастерства. Потому что для людей качество выполняемой работы перестает быть главным. На первый план выходят сроки, стоимость, посещаемость, эффективность – категории не первостепенные для искусства. Уж сколько говорено о тендерах: выбирая дешевицу, нельзя рассчитывать на качество изготовления. Зачем заказывать дешево неизвестно где, если потом



приходится тратить силы, средства, время и деньги, приводя все (костюмы, декорации) в божеский вид?

Пока «эффективные менеджеры» не поймут, что они в театре – прилагательное, а существительное – творческий коллектив, ничего не изменится. Пока господа управленцы не поймут, что без административного аппарата театр существует, а без актеров, режиссеров, без творческой идеи – нет – настоящего театра не будет. Он превратится в изготовителя посредственных, похожих друг на друга, спектаклей.

Театр – это служение, а не место получения зарплаты, алтарь, на который люди приносят свою жизнь. Театр – трудное, неблагодарное дело. Таким несовременным выглядит он на фоне «нанотехнологий». Так отчего же мы, окруженные массой разнообразных развлечений, тратим свое драгоценное время, чтобы провести его среди мало знакомых нам людей и в не очень удобных залах? Наверное, потому что театр остается последним плацдармом реальности в виртуальном мире.



Это самый честный вид искусства, обмен живой энергией. Недостаток адреналина, поиски его суррогатов могут завести нас в области небезопасные, вот мы и ищем спасения в сопереживании, проживаем с героями спектаклей разные ситуации, освобождаемся от отрицательных эмоций и восполняем недостающие положительные, пополняем свои энергетические ресурсы.

Идеальный театр – это союз единомышленников, воодушевленных общей художественной идеей, и СЛУЖЕНИЕ. Работа в театре требует огромной затраты сил (физических и душевных) и нервов, большой смелости, концентрации и мгновенного выплеска энергии. Все это возможно, если затраты компенсируются отдачей зрительного зала. Тогда тяжкий труд превращается в счастье творчества. Если зритель в зале не готов трудиться, не участвует в спектакле как его полноправный создатель, ничего подобного не произойдет. Прекрасный зритель, который еще двадцать лет назад постоянно ходил в театр, был приучен понимать не только сюжет, но и сложные смысловые конструкции, исчезает. Новые поколения не приходят ему на смену. Формирование «грамотных потребителей» разрушает культуру, а без зрителя театра не бывает.

Конечно, никакого «среднестатистического зрителя» нет. Нельзя думать о некоей «тетке у телевизора» и «мужике с пивом», которые все равно ничего не поймут, как это делают продюсеры многочисленных плохо сделанных сериалов. Лучше думать, как сделать спектакль, который, хотя бы по касательной, заденет каждого, и на полградуса повернет в другую сторону. Театры должны создавать своего зрителя. Дети, которых научили любить театр, приведут в него своих детей. Это процесс долгий, но благодарный. Интернет даст возможность привлечь людей, у которых нет возможности посещать театр. Нужно транслировать спектакли, устраивать их обсуждения, держать зрителя в курсе новейших тенденций, рассказывать о традициях.

Очень неплохим опытом оказалось проведение экскурсий по театру в дни школьных каникул. Когда зритель получает хоть небольшое

представление о том, как создается спектакль, он становится «причастным» к жизни театра. Можно увеличить число таких экскурсий, сделать часть из них платными, а вырученные деньги пустить на организацию специального интернет-канала. Не помешал бы и специальный телеканал, посвященный театру и музыке, похожий, например, на французский *Mezzo* (канал «Культура» имеет более широкий профиль и с этой задачей не справится). Конечно, теле- и интернет-трансляция никогда не сравнится с живым спектаклем, но большее знакомство с предметом может увеличить количество желающих посетить театр реальный, а не виртуальную его версию. Да и мы, в результате, получим зрителя более подготовленного. Его сложнее будет взять нахрапом, одурачить, обвинить в «некомпетентности». Тогда и нам придется предпринять дополнительные усилия по саморазвитию, пройти на шагок дальше, копнуть глубже... Общими усилиями мы и продвинем немного вперед.

Театр не может быть безыдейным – вот что очевидно. Но одной идеи, какой бы злободневной и актуальной она ни была, недостаточно. Иначе, чем он будет отличаться от митинга? Желание изо всех сил быть «современным» приводит в последнее время к повсеместной «актуализации». Пусть герои Шекспира расхаживают в серых приталенных пиджаках, лишь бы это «переодевание» не становилось общим местом и единственным признаком современности. Для меня новый театр – новый взгляд на известную проблему, изменение угла зрения. Современность не столько в своевременности, сколько в масштабе рассматриваемого явления и в таланте автора.

Конечно, на театре важно, чтобы тебя заметили. Часто желание «поразить» преобладает, достигает крайней формы – «лишь бы не как у всех». В результате мы имеем полчища «революционэров» и почти нет профессионалов. Как и во всяком «революционном движении» возникают правые и левые уклонисты. «Левые» становятся апологетами «новой драмы», «правые» меняют до неузнаваемости классическую драматургию. Выходит, что, если ты умудрился выразить мысль в пределах заданного текста,



не скрещивая пьесу со всей мировой литературой, ты уже и не творец, а пошлый ремесленник. К любителям «перелицовки» простой вопрос: так ли необходима именно эта пьеса, отчего не обратиться к другой, более точно выражающей твою мысль, или не написать новую? А что касается «левых» – поиск новых форм следует приветствовать, если он не переходит в свою противоположность. Фанатичная приверженность какой-либо форме приводит, как известно из всемирной истории искусств, к ее окостенению, опустошению и замене другой, более живой формой.

Пусть существуют все виды и типы театров, только пусть они будут о людях и для людей. Не для того, чтобы эпатировать публику, сделать «не как у всех». Это не может быть целью спектакля. Как не может быть его целью – указать на мерзости нашего существования и ткнуть зрителя носом в грязь. Подвиг Геракла состоял не в том, что он показал всем, сколько навоза накопилось в конюшнях Авгия, а в том, что герой их вычистил.

Какой театр нужнее – репертуарный или контрактный, старый психологический или новый документальный? На эту тему спорят жарко, иступленно. В доколумбову эпоху индейцы Перу сжигали свои, построенные с огромным трудом в горах, города, если считали их оскверненными. Сжигали дотла и уходили на новое место, чтобы начать строительство заново. Но в очередной раз им уже не удалось ничего построить – силы закончились, и исчезла целая цивилизация. Как бы и нам не остаться среди головешек.

Многие люди к театрам не приписаны. Каковы их возможности? Есть антрепризы, где приходится выполнять требования продюсера, есть проект «Открытая сцена», которого не хватит на всех, и еще пара небольших площадок, куда, возможно, удастся втиснуться. И все. Для тех, кто входит в театральную профессию, должен быть плацдарм. Для осуществления экспериментов должна существовать система разнообразных грантов, а также «пустые пространства», где любая творческая группа может репетировать в порядке «общей» очереди. Приходить на эти площадки стоит, когда

режиссер и артисты уже вчерне собрали спектакль. Приглашать на просмотры зрителей за минимальную плату, которая пойдет на частичное содержание помещения. Тогда жизнеспособность будущих спектаклей будет очевидной. И тогда уже давать деньги на выпуск. Такой метод более эффективный, чем распределение денег на «котов в мешках».

Критика – важнейшая составляющая театрального процесса, но ее роль не должна быть деструктивной. Профессия – не в бойкости пера, а в точном анализе происходящего, в умении сделать выводы, указать не только недостатки, но и пути к их устранению. Возрастает число статей, написанных в не очень уважительном, а, порой, в презрительном тоне. Хочется сказать: «Может, не стоит презирать тех, за чей счет живешь? У нас не все гладко, но и вы безупречны». Страдает от наших обид не только самолюбие, а общее дело. Раньше существовала практика выступления критика на труппе. Нужно вернуть эту форму работы, и разбирать не премьерные, а рядовые спектакли. Практикам важно знать, как развивается спектакль, им важен строгий, но дружеский взгляд. Можно возразить, что во времена, когда П.А. Марков не гнушался посещать рядовые спектакли, их было значительно меньше. Согласна. Но для студентов-театроведов и историков театра это не будет излишним. Почему бы им не познакомиться с театром ближе, изнутри? Может, тогда, сознавая, сколько труда вложено в каждый спектакль, будущие профессионалы не смогут позволить себе неуважительный тон?

Театр, о котором мы мечтаем, государству без надобности. Он ему противопоказан. Потому что для государства театр – «сфера услуг», и находимся мы в ней в самом конце списка, после парикмахерских и бюро ритуальных услуг. И пока государство считает театр «услугой», а мы – «служением», нам не договориться. Путь спасения и сохранения искусства, культуры и себя самих один – предельная честность и высокие критерии. Вкус, мастерство и ежедневный труд.